

Мне хотелось бы начать зимний обзор литературных публикаций с удивительного верлибра *Сухбата Афлатуни*, русского поэта, проживающего в Ташкенте («Дружба народов», номер 1, 2021). Язык этого верлибра настолько минималистичен, что, кажется, впечатления переданы не цветами, но линиями и изломами. Текст полон лакун, очень многое не проговаривается, заменяется тире. Карантин и распятие Христа помещены в одну временно-пространственную плоскость «распятый тишиной висел Он / никем не снятый – карантин», и эта будничность главного события в христианстве, оказавшегося почти незамеченным, пробирает до мурашек. Ясное до боли в глазах утро в Иерусалиме, когда был распят Христос, и карантинное утро 2020 года – по сути, одно и то же утро, существующее в вечности.

МОЛЧАЛИВАЯ ПАСХА

как больно светит свет – как больно
шумят деревья – каждый звук
царапина
сознания

в тот апрель земля умолкла – люди
гнездились по домам –
в телевизор в дисплей

церкви стояли – сгустки пустоты
никто никто
только священники – и свечи

старухи протирали пол
и пахло хлоркой

.....

в этой тишине Он был распят
гвозди тишины
бесшумно – пол в крови – протрут

никто никто
удар удар
и шёпотом: лама сававхани?

распятый тишиной висел Он
никем не снятый –
карантин

только Иосиф из Аримафеи
тайком ползком
с маской на лице

.....

под личную ответственность

.....

а утром было счастье
внезапное
и чистое как воздух

(в те дни машины
почти не ездили
воздух был прозрачен)

и утром
было утро

Стихи *Андрея Фамицкого*, опубликованные в журнале «Дружба Народов» (номер 1, 2021), отличаются предельной простотой и некой приземленностью изображаемого. Огромную роль в выстраивании нарратива играет бытовое, но в какой-то момент границы стихотворения расширяются, и написанное обретает глубоко экзистенциальный смысл. В следующем тексте примечателен переход от бытового на метафизический уровень: от чтения книжки сыном до гласа в глухой пустыне. Даже язык к концу стихотворения меняется, впрочем, не теряя своей емкой лаконичности.

* * *

а рядом, лёжа, сын читает книжку,
он пожиратель книг.
храни Господь вот этого парнишку,
позволь жить напрямик.

поменьше бед, любовей, приключений,
о чём так молит он,
лишь тихий сад, шезлонг ежевечерний,
молчащий телефон.

Ты был отцом, когда в глухой пустыне
Твой возносился глас,
Ты заклинал молитвенно о сыне,
но кто его не спас?

Необыкновенно пронзительно стихотворение *Михаила Окуня*, которое можно прочесть в журнале «Звезда» (номер 2, 2021). Здесь природа полностью отражает состояние лирического героя: чёрный графический мир белеет от горя, глохнет и слепнет от утраты. Появление укороченной строки в двух последних строфах (например «Снег пошел густой, частый / Когда умерла мать») задаёт оборванный ритм, речь к концу становится всё аскетичнее и строже. Стихотворение поражает своей кинематографичностью в стиле старых чёрно-белых фильмов: только маленькая человеческая фигура и огромное беззвучное эхо утраты, против который бессильны и люди, и бог.

* * *

Трижды обошёл вокруг пруда:
Чёрный лед; чайки, словно утки, пухлые;
Вскрывшаяся в полынье вода;
По берегам трава зеленая, хоть и пожухлая.

Радовался: сухо, бесснежно, весело шаптай,
Не боясь что-нибудь себе сломать.
...Снег пошел густой, частый,
Когда умерла мать.

Враз побелела пестрая земля,
А я будто оглох.
Свечку ставил в начале февраля.
Нет, не помог...

Подборке *Евгения Сливкина*, также вышедшей в журнале «Звезда» (номер 1, 2021), не чужды игра слов и головокружительное жонглирование смыслами. Но это стихотворение обладает какой-то особенно подкупающей интонацией: детство в нём – выпукло и зримо, а жизнь тесно соседствует со смертью «Всё вокруг сдвигалось близко / магазин гробов и ясли...». В детстве всегда кажется, что трава гуще, небо голубее, а мир яснее; да и бог раньше жил не в позолоченном храме, но среди людей, пускай оборванный и пахнущий корюшкой. Пронизанное аллитерациями, это стихотворение читается, словно поётся, а в конце – рассыпается золотыми искрами.

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Серафим с лучом во взоре
уродился шестикрылым...

Во Владимирском соборе
пахнет ладаном и мылом.
Храм, от копоти отмытый,
окружён давно заботой,
купола его покрыты
многопудной позолотой.
Раньше было верить проще:
Бог, бездомен и обшарпан,
пахнул корюшкой и карпом,
как Владимирская площадь.
То грязней Он был, то чище,
то бессильным, то всесильным.
А на паперти точильщик
со станком стоял точильным.
Я в свое восьмое лето
здесь прогуливал ботинки
меж Театром Ленсовета
и Кузнечным крытым рынком.
Помню скрежет ножевого
полотна бесперерывный.
И от привода ножного
диск вращался абразивный.
Все вокруг сдвигалось близко:
магазин гробов и ясли...
Залетали в сердце искры.
И не гасли, и не гасли.

Новая подборка *Алексея Цветкова*, вышедшая в журнале «**Знамя**» (номер 1, 2021), называется «квинские идиллии». Нью-Йорк здесь – тёмный и пульсирующий, а сам лирический герой – стоящий на пороге смерти и болезненно переживающий собственную телесную уязвимость «было обидно сознавать себя смертным». Это покачивание на кромке, пробел между двумя «фундаментальными фактами» – датой рождения и смерти. Жизнь в мире Квинса не похожа ни на чистилище, ни на рай, ни на ад, в нём нет даже бога, который бы сберёг, накрыл защищающей дланью: «в сказке старики умирают в один день / но там неясно когда их диагностируют». Это скорее момент предельного понимания мира, интуитивного осознания его ужаса и красоты «ни чистилища ни парадиза / но в зрачках от прозрения резь», бессмысленное, но такое понятное желание избежать утраты дорогих сердцу людей. И страшно задать вопрос, возвратятся ли смертельно больные в свой «небесный Квинс»?

1.

места тем пригляднее чем реже их видишь
но зато всюду парки озёра и кладбища

некоторые из кладбищ почти до горизонта
так что глазу есть на чём и отдохнуть

если по бульвару направо
там простирается суровый мир юстиции
конторы по выдаче залога под имущество родни
гнездилище цепких уголовных стряпчих
амбалы со связкой ключей на заднице
один из которых от популярных браслетов
и шеренги обезвреженных в жерло окружного суда
где однажды сватали в присяжные

налево манхэттенское направление
всё остальное для немедленных нужд
супермаркет медпункт быстрого реагирования
звёздная россыпь бутербродных и чебуречных
буддистский храм за ним еврейский пункт
конечного прибытия вагончик
для коганов которым вреден вид
наглядной смерти дальше часовщик
в чей зоркий глаз вмурован окуляр
для созерцанья чисел фибоначчи
пикап внезапный бенгли катафалк
китайский продавец фуфла и сора
в окне бухарский парикмахер жора
крысиный труп на мокрой мостовой
мир голой правды квинс как таковой

Стихотворение *Олега Дозморова*, опубликованное в журнале «Знамя» (номер 3, 2021), полно ироничных реминисценций и переключек, и, как утверждает сам лукавящий автор, написано по «законам постстихосложенья». Но с теми, кого он цитирует, поэт ведёт беседу на равных и в результате создаёт нечто совершенно аутентичное, стихи, где в каждой строке сквозит «собственный одномоментный свет». Несмотря на постоянное снижение пафоса («к музыке смешной из уваженья» «что-то там про жизнь и про игру»), стихотворение берёт своей жизненной узнаваемостью и универсальностью образов.

* * *

Там ходил трамвай четвёртый номер,
липы ветви прятали в окно,
и сосед, охранник или опер,
я не помню, напевал одно.
Соколов фамилия. Ну, пел он
так, практически фальшиво пел,
что-то там внутри перекипело,
никогда в глаза он не глядел.

По закону постстихосложенья,
к музыке смешной из уваженья
надо вспомнить, что конкретно пел.
Ничего он больше не умел.
Заряжал двустволку холостыми
и давал по свечкам пострелять.
Наливал коньяк, морщинистыми
пальцами держа, чтоб не плескаться.
Мы дружили с его сыном, Мишкой.
Мишка был с пелёнок шалунишкой,
на заправке разбавлял бензин,
а потом ограбил магазин.
(Это Рыжий, скажете. Не Рыжий.
Это собственный одномоментный свет,
это солнце, сталинские крыши,
в видеосалон абонемент.
Это точно не из Смелякова,
это нифига не Луговской,
это максимум у Межирова
тихо спёрто нынешней весной.)
Ничего на свете лучше нету,
чем по коньяку и винегрету!
В день рожденья пригласил сосед,
я – студент-филолог, этот – мент.
Он садился боковой посадкой,
на часы посматривал украдкой...
Жизнь прошла, как с тощих яблонь снег,
но остался для меня загадкой
странный молчаливый человек.
Грохнул ливень. Улица подвалом,
на асфальт намазали икру.
Да, короче, вспомнил: напевал он
что-то там про жизнь и про игру.

В журнале «Урал» (номер 2, 2021) вышла большая подборка стихов *Феликса Чечика*, поэта, который метко характеризует себя, как «человек проливного дождя / по фамилии Чечик». В этих стихах прекрасно всё: начиная от неповторимого интонационного рисунка и ненавязчивой интертекстуальности до яркой образности и парадоксального осмысления бытия. Неожиданна и концовка ниже представленного стихотворения, построенная на соединении несовместимого, на дихотомии встречи и прощания: «И уже возвращаться пора / и прощаться навеки». У лирического героя есть «только небо и реки» и ещё божественное неуловимое слово, и на мгновение кажется, что этого вполне достаточно.

* * *

В левой – кофе, а в правой – сухарь,
в сердце – память и время,
и осенней листвы киноварь
опалила деревья.

Я иду, – никому не судья,
но истец и ответчик,
человек проливного дождя
по фамилии Чечик.

И счастливое имя моё,
как правительство площадь –
негодующее вороньё
на деревьях полощет.

Я – «Кон-Тики» на вечной мели,
я – концы и швартовы,
и рыдают младенцы вдали,
словно чёрные вдовы.

У меня – ни кола ни двора,
только небо и реки.
И уже возвращаться пора
и прощаться навеки.

Стихи *Ольги Фадеевой*, опубликованные в журнале «Урал» (номер 2, 2021), очень мелодичны, внимательны к деталям и полны живого наблюдательного интереса к миру. В этом коротком тексте – текучая вязь ассоциаций, когда характеристики подобраны не столько ассоциативно, сколько синестезийно «остаться стоять на своём / на заливном, островерхом, почти изумрудном». Здесь возможна «калины неслышная тень», здесь мир существует в другом качестве, перекачивается волнами, пронизанный светом сразу со всех сторон, словно импрессионистская живопись. Данный текст требует не столько понимания, сколько со-чувствования и доверия автору, готовности взглянуть на мир его глазами.

Не поддаваться – остаться стоять на своём,
на заливном, островерхом, почти изумрудном,
утром прозрачным, обласканным, вкрадчивым днём,
кожу знобящим желаньем забыться подспудным.
Только и есть, что калины неслышная тень
в путях лозы виноградной окрест сердцевины,
только и весть, чтобы слушать сквозь сон деревень –
крик петушиный.

Радует классическое звучание подборки *Вадима Гройсмана*, вышедшей в журнале «**Крещатик**» (номер 1, 2021). Этим стихам свойственно лёгкое дыхание и прозрачность смысла при всей сложности философской мысли. Поэзия Вадима Гройсмана привержена традиции и словно бы отказывается быть кричаще современной, она смотрит назад, в божественно-мистическое прошлое, но выхватывает вневременное, говорит о вечном. Всё в этих стихотворениях построено на звуке, ничего не мешает чистому течению гласных.

Закрыла свет бумажная змея.
Возьмём её за острые края,
Переведём пробелы и помарки:
И жизнь моя на волоске у Парки,
И рукопись окончена моя.

Но видно мне, что эта ночь жива,
Горят на небе письма простые,
Их двоеточья, точки, запятые,
И чернотой замазаны слова.

Бедна земля, пустынно небеса,
И днём, и ночью катится без сна
Старения кривая колымага.
Мерещится в просветах колеса
То чёрная, то белая бумага.

Также в журнале «**Крещатик**» (номер 1, 2021) можно прочесть подборку *Татьяны Ивлевой*, родившейся в Казахстане и ныне проживающей в Германии. Представленное стихотворение – воспоминание-горевание о потерянной родине, о детстве, которое осталось только в расплывчатых сновидениях: «Ускользнула – глазу не видна – / Та тропинка, что вела обратно». И даже грачи, последние вестники из родных мест, говорят о забвении. Это очень меланхоличный и нежный текст, и родина на мгновение кажется скорее потерянным Авалоном, волшебным местом из снов, чем реальными координатами на карте.

НАД ГОРНЫМ ПЕРЕВАЛОМ

*В 2011 году в Казахстане вышла
марка с изображением грача*

В зыбких снах брожу по пустырю,
Неотступной думаю объята:
– Ни сестры, ни брата, – говорю,
Ни тропинки, что ведёт обратно –

В степи, где целебный зреет мёд,
Где цикады распевают песни,
И цикорий звёзд в ночи цветёт,
Освещая пики гор Небесных.
А проснусь – не помню имена
Этих гор, страны, сестры и брата...
Ускользнула – глазу не видна –
Та тропинка, что вела обратно.

Да и сердце вешее молчит,
Сердце горевать в груди устало.
– Забывай! Бывай! – кричат грачи,
Сделав круг над горным перевалом.

Стихотворение *Николая Годины*, опубликованное в журнале «Нева» (номер 2, 2021), понравилось мне какой-то ладностью и неожиданной, но в то же время очень логичной концовкой. Лирический герой находится словно бы между небом и землей, медленно развеществляясь, уходя в рыбий ил молчания, одинаково далёкий как от людей, так и от богов. Но надо всем стихотворением царит такое мрачно-важное настроение, такой вихрь отчаянного бунта, что, кажется, всё же дыхания/духа хватит на вечность-другую.

** *

Ничему нас жизнь не научила,
Хоть набили шишек по мешку.
Ты гори, гори, моя лучина,
Разгоняй зловредную мошку.

Надо мною протекает небо,
Подо мной тайги сырое дно.
Словно рыба, в ил зарывшись, немо
Превращаюсь в известняк давно.

В сумерках богов предельно глухо.
В сумерках людей слышна возня.
Возопить бы – не хватает духа,
Весь, похоже, вышел из меня.

За каждым стихотворением *Лилии Газизовой* («Зинзивер», номер 1, 2021) словно бы прячется неуловимая восточная улыбка. Представленный ниже верлибр сначала кажется по-спартански немногословным и даже аскетичным, поскольку весь состоит из односложного перечисления ежедневных дел, но мне видится в этом попытка заземлиться, уловить свое присутствие в рутине. Не просто механически перемещаться из точки А в точку Б, но дышать,

радоваться, любить и смело глядеть в будущее. Поэтому и рутина высокая: это попытка переосмыслить свое существование, перевести бытование в жизнь.

ВЫСОКАЯ РУТИНА

Выйти из комнаты,
Квартиры,
Подъезда,
Дома.

Сесть в машину,
В метро,
На автобус,
На трамвай,
На троллейбус.

Пойти в магазин,
В кафе,
В музей,
В ночной клуб,
В тренажерный зал,
В бассейн.

Вернуться довольным,
Сытым,
Пьяным,
Уставшим,
Удовлетворенным,
Возбужденным.

Планировать,
Намереваться,
Предвкушать,
Загадывать,
Предполагать,
Рассчитывать.

Жить.

В журнале «**Prosōdia**» (номер 13, 2020) были опубликованы новые стихотворения великого лирика *Владимира Гандельсмана*. В стихотворении «Хюртгенвальд» смешались три мифических леса, битва в Хюртгенском лесу во время Второй мировой войны, окончившаяся поражением американских войск, старая народная легенда про Гамельнского крысолова и «Лесной царь» Гёте. «А-а-ахен! – падает ель / ухом к тебе, земля» – прекрасное звукоподражание, в котором слышен

одновременно протяжный скрип падающей сосны и стон умирающего солдата. Это абсолютно гениальное стихотворение, страшный в своей правдивости текст, поскольку речь идет не просто о правде, а о художественной правде, об ужасе и вечном страхе, о которых, если и можно говорить, то только такими стихами: «Это не тропы – трупы», «Эта литература – / литератраур, друг».

ХЮРТГЕНВАЛЬД¹

Фосфор падает белый.
Вспыхивает. Забыть
запах плоти горелой?
Легче себя убить.
Нечем Бирнамскому крыть
на оледенелой.

Хладная мгла. Темно.
Дантову нечем крыть.
Гиблое? Вот оно:
оледенелую рыть.
Немца ли, своего убить –
мне всё равно.

Рою окопы.
Слабоумного смех.
Окоченевшие тропы.
Рейн вдали или Рейх?
Что строчишь, пустобрёх?
Это не тропы – трупы.

Унтер из Гаммельна
капсюльную берёт свирель,
и оттуда не до, ми, ля,
а шрапнель.
А-а-ахен! – падает ель
ухом к тебе, земля.

Он ни брат, ни сват,
ни аэд, ни скальд –
зазывает в зелёный ад,
в Хюртгенвальд.
А-а-ахен! – пойдёт на базальт
кость твоя, солдат.

---

¹ Речь идёт о тяжелейшем для американской армии сражении за лес Хюртген зимой 1944 года. В стихотворении упоминаются Бирнамский лес («Макбет»), лес Данте («...я очутился в сумрачном лесу»), а также гётевский из «Лесного царя». – *Прим. В. Г.*

Вот истлевшая шкура.
Ног ли останки, рук...
Эта литература –
литература, друг.
Все полегли, каюк.
А уцелел – значит, сдуру.

Кто под холодной мглой
мчится, и с ним
сын ещё молодой,
кем он гоним,
что случится с родным
под сигнальной звездой?

Любопытно и стихотворение *Вадима Муратханова*, вышедшее в журнале «**Новая Юность**» (номер 6, 2020), в котором множество тонких наблюдений об устройстве мира и парадоксе взросления/старения соединяется с глубокой рефлексией. В центре поэтического интереса – устройство памяти, зрения и даже физических законов («Мяч чёрно-белый стучит, как живой, о ладонь, / нарушая закон притяженья»). Пускай за окнами без перемен, но главные происшествия происходят внутри, за изнанкой повседневности, где события сюрреалистичны, а вещи значат больше, чем кажется на первый взгляд («Старый диван отправляется в рейс / хоккей–КВН»).

.
* * *

Тело мудреет, как плод.
Вот только рассудок
не поспекает за ним, отстаёт
от времени суток.
В пыльный, обратный готовится путь,
будто в начале –
цель, и награда, и место уснуть,
дней не сличая.

В рамку глазницы моей помещен,
на горячей изнанке
мальчик казахский играет с мячом
на полустанке.
Отяжелевший на солнце вагон
отлучен от движенья.
Мяч чёрно-белый стучит, как живой, о ладонь,
нарушая закон притяженья.

Вот и зарос от бумаги порез.
За окнами – без перемен.
Старый диван отправляется в рейс
хоккей–КВН.

В журнале «Волга» (номер 1, 2021) можно прочесть отличную подборку восьмистиший *Аркадия Штыпеля*. Слова в этих стихах, словно бы изначально не очень связанные, но поставленные в тесное взаимоотношение, начинают притираются друг другу, мутировать и создавать новую звенящую реальность. Зрение поэта быстро выхватывает детали, точно подмечает парадоксальное и выражает его в короткой, ясной и афористичной форме. Мне очень нравится живой и подвижный язык этих стихов – автор виртуозно играет словами, смешивая считалочки с неологизмами, рассыпая смыслы как цветные бусины, и всегда оказывается неожиданно точен в своих высказываниях.

1.

сонной тетерей
ляг на бочок
серый волчок
в вене катетер

вене не больно
луч маячок
тьнь безглагольна
ляг и молчок

Стихи *Геннадия Кацова*, вышедшие в журнале «Волга» (номер 1, 2021) – не столько предупреждение, сколько глубокий поэтический разговор об актуальнейших проблемах человечества. Наш мир превращается в дистопию, всё свободное пространство забито ненужной рекламой (её круговорот можно проследить в двестишнях), борьба за мир во всем мире под огнями софитов кажется бессмысленной, но поэт может не только горько наблюдать за происходящим, но вопрошать и требовать ответа. Что мы знаем о себе? Что мы знаем друг о друге, живущие на одной планете, но такие невообразимо разные? И хватит ли человечеству места в этом дивном (уже не) новом мире будущего?

* * *

женщина в прозрачном платке и цветном сари –
что ты знаешь о домашнем борще и сале,
о среднерусской возвышенности и вековом запое,
о двух германиях и между ними заборе,
о кенгуру в австралии отстраненной и там же эму

здесь должна быть пауза на коммерческую рекламу
о том, как тяжело живётся в камбодже имаму

что ты знаешь, женщина в сари и прозрачном платке
о странных странах магриба и пустынном песке,
о свободной либерии для несвободных людей,
о правилах, коим должен следовать иудей,
о солидарности, чью соль воспели мицкевич и лем

здесь должна быть пауза сразу для нескольких реклам
про шведскую мебель икеа и тибетский храм

что ты знаешь, женщина в платке и прозрачном сари,
о ватикане и святейшем католическом сани,
об италии, по форме похожей на твой сапожок,
о стране восходящего солнца, неостывающей, как ожёг,
о брекзите, против которого нет приема

на этом месте должна быть короткая реклама
об опасности загрязнения мира виртуальным спамом

что ты знаешь, женщина, про сари и цветной платок,
про венесуэлу, которой правит непонятно кто,
про сша – к ним не подобрать совершенного вида глагол,
про бразилию, где полно обезьян и игроков в футбол,
про нескандальную канаду и профессиональный ее хоккей

здесь должна быть, опять же, реклама – хоть убей,
не вспомнить о ком, хотя, скорее всего о ней

о женщине в цветном сари и прозрачном платке,
идушей к гангу – самой мирной в мире реке:
мы сядем на ранний пароход, освещаемы сми,
и отправимся долго бороться во всем мире за мир,
за братство и равенство разных, несовместимых стран

на этом месте должно быть столько реклам,
что никакого места ни им не хватит, ни нам:
ни на суше, ни на воде, ни в том мире – неизвестно где

Подборка *Юрия Колкера*, появившаяся в журнале «**Новый Берег**» (номер 72, 2020), называется «Властитель дум. Ироикомиическая и лироэпическая оратория в четырёх секвенциях», и это название уже задаёт тон восприятия всех стихотворений. Форма представленных текстов достаточно традиционна, но строки составлены из коротких предложений, а то и из достаточно семантически свободно связанных друг с другом слов. Заданный автором ритм суггестивно воздействует на сознание, погружая читателя в некое подобие транса, где он оказывается в калейдоскопе лиц, событий и понятий, и, кажется, рукой

подать до разгадки, но всё кружится и двоится перед глазами. Это невозможно осознать умом – только прочувствовать и прожить.

1

Зал ожидания. Полуденный демон. Стрела.
Тень. Вопреки предвещаниям птиц. Постиженье.
Терпкое благо. Светает. Письмо в пустоту.
Путь. Для кого этот росчерк? Колодец.
Взгляд в темноту. Обращенье. Евклидова сеть.
Зимнее солнце. Созвездие рыб. Межсезонье.
Утренний снег. Тень на камне. Этюды, сонеты.
Анти-венюк. Далека в человечестве. Дни.
Эхо. Канва. Обстоятельства места. Цитатник.
Голос из хора. Рассказ. Переменчивый снег.
Клинопись. Сосредоточимся на несомненном.
Дом тишины. Имя снега. На том языке.
Поздние сумерки. Авторский лист. Взмах руки.
Войско. Плавающая купина. Полнозвучье.

В журнале «**Новый Берег**» (номер 72, 2020) вышли замечательные стихи *Амана Рахметова*, поэта со своим неповторимым видением и яркой образностью. Данному тексту Амана характерно стремление к краткости формы и прозрачности смысла, неожиданность метафор и почти адамовская страсть давать названия всему сущему. Лирический герой умеет говорить языком облаков и видит вещи дальше их первоначального вида, воспринимая мир с открытым сердцем и широко распахнутыми глазами. «он боится, что ты прекратишь / говорить, но ведь ты говоришь» – это триумф существования и речи, поскольку для лирического героя и его адресата жить означает проговаривать бытие, называть его по именам.

* * *

В зеркалах, изготовленных на́ дом,
я узнал направление взгляда,
это ты выбирала – с какой
стороны наблюдать за рекой.

Ты давала названия каждому
повороту реки, будто жажду
утоляла – а я наизусть
изучал твою тихую грусть.

А твое настоящее имя,
я запомнил у стен Аркаима;
я учился у местных аркан,
как снимать с языка облака.

Удивительно, мокрое время
не смогло изменить направления
взгляда, жажды давать имена
и привычки сидеть у окна.

За окном начинается ливень,
настоящий, густой и красивый –
это ты, как в стране городов,
говоришь языком облаков.

А внизу, под висячим балконом,
тебя слушает дух Актеона,
он боится, что ты прекратишь
говорить, но ведь ты говоришь!

Даже этот краткий обзор «зимних» поэтических публикаций показывает на множество постмодернистских мистификаций и парадоксов, а также – стихов, где авторы охотно экспериментируют с формой. Одновременно поэтам не чуждо обращение к культурному наследию и непрекращающееся чувство тревоги за будущее. Некоторые тексты проговаривают потерю в разных ипостасях – идёт ли речь о потере собственной жизни или жизни близких, о давно прошедшем детстве или же об утрате самого ощущения жизни с её мерцающим смыслом.